Пушкин А. С.
(150 лет со дня смерти)

10/II-87 г.

«МНЕ НУЖЕН ПУШКИН, НУЖЕН, КАК РОССИЯ»

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 10 февраля 1987 г. ● № 33

ИЗ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЯ

ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ

...Незабываемы мои впечатления после посещения Пушкинского лицея. И сами собой родились эти строки...

Ему внимали эти своды,
И, верно, помнит классный зал,
Как в те пленительные годы
Здесь голос Пушкина звучал.

Экскурсовод, совсем девчонка,
Стихи читает не спеша,
Неизъяснимого восторга
Преисполняется душа.

Татьяна МАРШАНИНА,
экскурсовод-переводчица.

* * *

В пятнадцать лет я страшно влюбился. Томило меня, хотелось чего-то, что было бы созвучно душе. Случайно раскрыл томик Пушкина. Надо признаться, школа особо горячей любви к нему мне в то время не привила. Но раскрыл и был потрясен. Стихотворением «Я вас люблю,—хоть я бешусь...». Словно светом полыхнуло внутри. Легкость почувствовалась необыкновенная. Запомнил его с ходу. Твердил целыми днями. Такая радость охватила — даже походка стала прыгающей.

Естественно, прочел всего Пушкина. Естественно, сам насочинял... Наверное такой или похожий момент в жизни был у многих. Но для меня он праздником остался. Вспоминаю о нем как о важном событии личной биографии.

М. ТРЕТЬЯКОВ.

Московская область.

* * *

Черная речка,
Тебе не отмыть лица.
Черная речка.
Осечка?
Удар свинца!

Что ты волной
Не прикрыла,
Что не уберегла?
Ты бы волны свои —
Как крылья...
Что молчала,
Куда текла?

За ледовым глухим
Молчаньем
Упрятать себя
Легко.

Испуганно птицы
Кричали,
Пустыми глядели
Очами
На мокрые кудри его.
Черная речка
С черной водой,
Быть тебе вечно
Черной бедой.

Рудольф ПАНФЕРОВ.

Калуга.

* * *

Мне Пушкин не раз помогал в жизни. И не столько даже как поэт — как человек. Он ведь настоящим мужчиной был. Я даже не дуэльную историю имею в виду в первую очередь — письма. Не помню сейчас, кому и когда написано одно из них, мне наиболее близкое и «помогающее». Но там примерно вот что: Дельвиг умер... умрем и мы... станем старыми хрычами, жены наши станут старыми хрычовками, а детишки подрастут, мальчики станут повесничать, девочки — кокетничать,— «а нам то и любо»...

Какую мощь ощущаешь в своем бренном теле, как в старину говаривали, когда вспоминаешь эти строки! Вот уж несгибаемость, вот мужественность, которой так нам недостает в наш век, когда женщины хотят или вынуждены быть, как мужчины, а мужчины... И говорить не хочется...

Николай ГОЛИКОВ.

Смоленск.

* * *

...Может быть, все от того, что я ревнива?.. Во всяком случае, сейчас стараюсь почти ничего не читать про Пушкина, что печатается. Сколько людей—столько точек зрения: у каждого свой Пушкин. Вот и жду, когда кампания эта уляжется, и тогда буду читать, как и читала,— самого Пушкина, своего. Настоящая-то любовь — она негромкая. Может, я чего-то недопонимаю, но чувствую, что не совсем неправа. Наверное, у каждого Пушкин свой настолько, что даже ревность — такая, как у меня, например,— не кажется смешной.

М. Н., 17 лет.

Ставрополь.

* * *

День затуманился холодной синью,
Средь темноты я тропку нахожу.
Мне нужен Пушкин, нужен, как Россия.
России, Пушкину служу...

Михаил АКСЕНОВ.

* * *

Пишу вместо рецензии — по свежим следам. Передо мной специальный номер альманаха ВООПИК «Памятники Отечества», целиком посвященный А. С. Пушкину. С какой любовью, с каким тактом и вкусом он создан! Мне как художнику особенно интересными во всех отношениях показались материалы о пушкинской иконографии, о портретах пушкинской поры, о Москве и Петербурге времен поэта,— великолепно иллюстрированные, глубоко «прописанные». В номере приведены интереснейшие материалы из давней и редкостной книги Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись»; материалы о празднествах, посвященных открытию памятника поэту в Москве. А беседа с Д. Лихачевым, а рассказ И. Зильберштейна о его зарубежных «пушкинских» находках?! Все это прекрасно. Но огорчительно вот что: одна цифра в конце номера, как и других номеров альманаха,— тираж 50 000. Как мало! И мне-то номер этот достался «по случаю». Вдумайтесь — пушкинский номер альманаха «Памятники Отечества» — по случаю!— тут каждое слово заставляет задуматься...

И. ШЕИН, художник.

* * *

Я не профессиональный поэт, работаю в журнале «Сельский механизатор», но стихи пишу давно. И больше для себя, хотя иногда и публикую... Не подойдут ли газете мои скромные строки о судьбе Пушкина? Они рождены после моей поездки в Пушкиногорье...

Какое утро!
Как горят в полях снега!
В душе взошла-открылась неба просинь.
Быть может, и возьмет свое к ночи пурга,
Но бури севера не вредны русской розе...

Горят, горят снега, как чей-то дивный взгляд.
Весь мир как будто из Его волшебной речи.
Он будто бы бескрайний белый сад.
Он знать не знает
снéга Черной речки...

Валентин ГОНЧАРОВ.

Офорт В. В. Матэ. 1899 г.

Урок в классе

А вы слышали, читатель, как звучат стихи А. С. Пушкина на хинди? Представьте, ритм и музыкальность стихотворений от русского оригинала практически не отличаются. В этом я убедился, побывав на днях в 372-й московской школе, где для учащихся четвертых — шестых классов проводился «Пушкинский урок».

Многие из школьников, наверное, впервые услышали, как звучат пушкинские стихи на языке индийского народа. В уроке участвовал доктор М. Л. Мадху — переводчик русской классической литературы на хинди. В его переводе в Индии вышел двухтомник произведений Пушкина.

— Переводить Пушкина — большая честь и огромная ответственность, — рассказывал ребятам доктор М. Л. Мадху.— Наша поэзия отличается от русской и ритмом, и формой. Передо мной стояла очень трудная задача: с одной стороны, сохранить все то, что есть в стихах Александра Сергеевича; с другой — привести их в соответствие с канонами поэзии на хинди.

Продолжил необычный урок композитор Б. Зайцев. Борис Васильевич подарил школе пластинку «Приют, сияньем вод одетый...», выпущенную в прошлом году фирмой «Мелодия».

С воодушевлением провел свою часть «Пушкинского урока» народный артист РСФСР Геннадий Печников:

— С произведениями Пушкина все мы знакомимся уже в раннем детстве. Услышав, а затем и прочитав его замечательные сказки, мы сохраняем любовь к поэту на всю жизнь. И в каждом возрасте Пушкин будит в нас новые, все более глубокие мысли и чувства.

А потом все вместе — и взрослые, и дети — читали стихи. Доктор М. Л. Мадху предложил школьникам прочесть какое-нибудь из стихотворений Александра Сергеевича, и вскоре дружный хор декламировал «Зимний вечер», «Я помню чудное мгновенье...» и многие другие стихи, которые доктор М. Л. Мадху тут же, к восторгу ребятни, повторял на хинди.

Показательно, что организовала и провела этот незапланированный в школе урок преподаватель математики Л. В. Петрова.

— Я люблю поэзию, обожаю романсы,— виноватым, как бы оправдывающимся тоном отвечала учительница на мой вопрос, почему именно она взялась за дело, которым, в общем-то, не должна была заниматься.— Хочу, чтобы дети, и не только мои собственные, почувствовали облагораживающее влияние искусства... Музыка, стихи, живопись смягчают душу даже трудного ребенка, делают ее добрее, честнее, открытее. Мне кажется, ознакомление детей с миром прекрасного — самая важная для педагога цель, и служить ей мы должны, невзирая на специализацию...

Прекрасные слова! Жаль только, что не слышали их коллеги Л. В. Петровой, преподаватели родной литературы. Их почему-то в зале не оказалось. Когда я выразил недоумение по этому поводу, Г. М. Печников заметил: «Да стоит ли придавать этому значение? «Пушкинский урок» состоялся, и провели его истинные ценители поэзии. Надо радоваться, что они есть!..»

— Сегодняшний «Пушкинский урок» — своеобразное открытие чтений, посвященных памяти поэта,— сказал директор школы В. Н. Михайлов.— Пройдут они во всех классах, с первого по десятый.

А. КОБЕЦ.

ПОЭТ

Просторы времени

Для меня, молдавского поэта, многогранное творчество Александра Сергеевича Пушкина стало подлинной энциклопедией духовного мира русского народа, неиссякаемым кладезем мудрости и высокой поэтической гармонии. Оно подобно солнечному свету, щедро дарящему свое тепло всем, проникает через бесконечные просторы времени и пространства.

Многосторонни и глубоки связи нашей культуры с гением Пушкина. Южный период творчества оказался чрезвычайно плодотворным. В Кишиневе поэт встречается с декабристами. На молдавской земле поэт создал ряд бессмертных произведений, покоряющих вольнолюбивым полетом мысли. И она по сей день бережно хранит эхо его шагов на крутых склонах времени в Кишиневе, где поэт умел вслушиваться в музыку молдавской речи, молдавских песен и преданий.

Идея дружбы и братства народов находит прямое отражение в стихах поэта, который мечтал о времени, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Пушкин — наш полноправный современник, идущий вместе с нами, помогающий строить новую жизнь, сеять разумное, доброе, вечное. Пушкин продолжает свое восхождение во времени.

Павел БОЦУ,
лауреат Государственной премии Молдавской ССР.

СКУЛЬПТОР

Не расставаясь с ним

Пушкин прожил короткую жизнь. Почти вся она уложилась в первую треть XIX века. Ныне идет к финишу век XX. Россия, не соизмеримая с пушкинской духовно, нравственно, предъявляет к себе сегодня новые требования. Что стоит в них во главе угла? Честь, совесть, гражданское мужество, профессиональная компетентность, умение предвидеть, чувство высокой и строгой ответственности.

Много раз Пушкина называли преждевременным человеком. Гоголь нашел ему место только в XXI веке. Многое из того, что и сегодня для нас еще впереди, поэт утвердил нам в примере своей жизнью.

Мой Пушкин... Я никогда о нем так не думал. Никогда его так не называл. К Пушкину не приблизиться в одиночку. Только на пересечении дум, страстей, вечного движения пролегает пушкинская тропа. Ее легко увидеть. И очень просто полюбить Пушкина. Труднее понять его настолько, чтобы пойти вослед.

Я встретился с Пушкиным в начале творческого пути. Прожил жизнь, не расставаясь с ним, пытаясь понять, постигнуть, сократить расстояние. Он мой вечный учитель — и в жизни, и в той муке, которая зовется творчеством.

Михаил АНИКУШИН,
народный художник СССР,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

АКТЕР

Та ночь в его доме...

Мне выпало огромное счастье более восемнадцати лет играть на сцене Московского театра имени М. Н. Ермоловой роль Пушкина в одноименной пьесе А. Глобы. Работа над этой постановкой длилась почти год. Многие тогда недоумевали и даже возмущались: как же можно о Пушкине писать в стихах? Но наше убеждение было таково, что иначе и нельзя говорить о Поэте. Пьеса написана белыми стихами, и, на наш взгляд, это помогало глубже, вернее понять Пушкина.

В ходе репетиций я вдруг испугался — смогу ли верно понять, почувствовать, зажить настоящим, а не вымышленным Пушкиным? Я поехал на два дня в Ленинград. Пришел на Мойку, в музей-квартиру А. С. Пушкина, объяснил работникам, что я — актер, репетирующий роль Пушкина, и они охотно согласились мне помочь. Мне разрешили остаться на ночь в квартире и даже зажгли свечи. Я благодарен судьбе за эту незабываемую ночь. За окном крупными хлопьями падал снег, как, может быть, и тогда, зимой 1837-го. На каминной полке — миниатюрный портрет Натальи Николаевны работы К. Брюллова. Она всегда так поздно возвращалась с балов... А он, быть может, вот так же стоял у окна и глядел на снег...

В ту ночь я начал понимать Пушкина как человека.

Всеволод ЯКУТ,
народный артист СССР.

ДУЭЛЬ ПОСЛЕ ДУЭЛИ

Последняя записка Александра Сергеевича

«...Высший свет, его представители ненавидели поэта и извергли его, как инородное тело, из своей среды. Теперь настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, ЧТО они сделали с ним, а о том, что ОН сделал с ними».

А. АХМАТОВА.

РАЗМЕН выстрелами за Комендантской дачей состоялся 27 января 1837 года. Домой вернулись в шесть часов вечера. Требовалась безотлагательная медицинская помощь. Вскоре К. К. Данзасу, секунданту поэта, удалось сыскать доктора Шольца. Хроника дальнейших событий соткана из важнейших психологических нюансов.

Шольц приехал с доктором Задлером. Осмотр раны не предвещал благополучного исхода. Мемуарист писал: «Оставшись с Шольцем, Пушкин спросил: «Что вы думаете о моей ране; я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу. Дорогою шло много крови. Скажите откровенно, как вы находите рану?» — «Не могу вам скрыть, она опасная».— «Скажите мне, смертельная?» — «Считаю долгом не скрывать и того. Но услышим мнение Арендта и Соломона, за коими послано».— «Благодарю вас, вы поступили по отношению ко мне как честный человек»,— сказал Пушкин... Он немного погодя спросил: «Разве вы думаете, что я часу не проживу?» — «О нет!..» — возразил Шольц. Он пытался вселить в поэта надежду.

Вскоре доложили о прибытии придворного лейб-медика Арендта. И вновь повторилась недавняя ситуация — Пушкин заявил, что «ему необходимо знать наверное свое положение, чтобы успеть сделать некоторые нужные распоряжения». Настойчивость поэта имела свои веские причины, среди которых не было места страху. Житейские мелочи отступили для него на задний план: он понял неизбежность кончины. Но общение с докторами позволило узнать самое главное: ему стало ясно, что смерть не наступит в одночасье. Теперь Пушкина не страшили муки.

Между тем в доме на Мойке собирались близкие друзья поэта. Приехали Жуковский, Вяземские, Виельгорский... Еще до отъезда Арендта примчался врач семьи Пушкиных — И. Т. Спасский. Именно ему удалось потом стать одним из самых объективных летописцев последних дней Пушкина. Ему же выпало сыграть и загадочную роль возле смертного одра...

Статус придворного обязывал Арендта явиться к императору и оповестить того о печальном происшествии. Расставание лейб-медика с поэтом Жуковский описал так: «Когда Арендт перед своим отъездом подошел к нему, он ему сказал: «Попросите государя, **чтобы он меня простил; попросите за Данзаса, он мне брат, он невинен, я схватил его на улице...»** (здесь и далее выделено мною.— **М. Ф.**). Однако версия Жуковского грешила нарочитыми подтасовками, коим полагалось создать миф об «ангельской» смерти Пушкина. Оказался приукрашенным и этот эпизод, запомнившийся двум очевидцам. Данзас: «Прощаясь, Арендт объявил Пушкину, что, по обязанности своей, он должен доложить обо всем случившемся государю. **Пушкин ничего не возразил против этого, но только поручил Арендту просить от его имени государя не преследовать его секунданта».** Ему вторил и Спасский. «Я сказал, что доктор Арендт еще здесь».— **«Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат».**— Желание Пушкина было передано д-ру Арендту, и лично самим больным повторено».

Выясняется, что Пушкин, отсылая Арендта к Николаю, **не просил за себя.** Его волновала судьба Данзаса, который мог понести суровое наказание за участие в дуэльной истории; но сам поэт не склонял главы, мужественно преодолевая боль. Зная, что смерть дала желанную отсрочку, Пушкин ожидал царственного хода. В многочисленных поединках, рассыпанных по жизни, он никогда не стрелял первым. Дерзкая привычка пускалась в ход и на сей раз. И вряд ли кто подозревал, что с отъездом Арендта начиналась последняя дуэль поэта со своим извечным могучим противником.

Дуэль после дуэли.

АРЕНДТ отправился во дворец, но не застал там императора. Доктор сообщил о случившемся камердинеру, став невольным секундантом Пушкина в уникальном поединке. Вернувшийся около полуночи царь оказался в сложном положении. Ему надлежало незамедлительно и веско отреагировать на известие. Привычное посредничество А. Х. Бенкендорфа на сей раз не могло пригодиться. Время не терпело — прогноз Арендта был самый неутешительный. Но обреченный камер-юнкер лишь информировал его (с оказией!) о проступке, не испрашивая снисхождения для своей персоны, а беспокоясь токмо о судьбе «никчемного подполковника»! Выйдя к незримому барьеру, камер-юнкер—нет, Поэт!—втихомолку насмехался над императором. В противоборстве характеров императору приходилось делать первый шаг. Но перехватить инициативу было уже невозможно.

«Около полуночи приезжал за Арендтом от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему **письмо, собственноручно государем к нему написанное,** и тотчас обо всем донести...» Текст этой записки сводился к следующему: «Если бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся; я беру их на свои руки». Резонерский тон выдавал верховную досаду. Арендт вновь заспешил на Мойку, где Пушкин нетерпеливо поджидал посланца царя— для поэта в тот миг решалось очень многое...

Известно, что «Пушкин был чрезвычайно тронут словами и убедительно просил Арендта **оставить ему эту записку;** но государь велел ее прочесть и немедленно возвратить». Верный себе, Жуковский добавил и в эту сцену немалую толику мелодрамы. Однако наведенные румяна не заслоняют главного: поэт торжествовал, получив высочайший автограф. Он дожил до сладчайшей минуты. Теперь оставалось совершить заключительный акт. И тогда Пушкин позвал доктора Спасского...

«Он подозвал к себе Спасского, **велел подать какую-то бумагу, по-русски написанную, и заставил ее сжечь.** Потом призвал Данзаса и продиктовал ему записку о некоторых долгах своих». В письме к Бенкендорфу Жуковский сделал важное уточнение: «Пушкин велел д-ру Спасскому вынуть какую-то его рукою написанную бумагу **из ближайшего ящика,** и ее сожгли перед его глазами...» В этом была своя логика.

Судя по всему, уничтоженная бумага сочинялась утром, в день дуэли: поэт «после чаю много писал». Если бы рукопись существовала ранее и была приговорена к сожжению, то Пушкин не преминул бы ликвидировать ее перед отъездом на поединок.

Поэт не обратился с просьбою к друзьям, постоянно дежурившим в доме. Более того, он сознательно отверг их помощь, кликнув Данзаса только после гибели документа. В сообщники ему был необходим человек, не посвященный в «адские козни» преддуэльной интриги. И выбор Пушкина, павший на неосведомленного Спасского, оправдался: в своих мемуарах врач ни словом не обмолвился о воле поэта. Он не придал этому эпизоду значения.

Между тем сожженная бумага была чрезвычайно важна для Пушкина. Недаром он поместил драгоценность в «ближайший ящик» — в случае гибели автора от рук Дантеса и непременного «посмертного обыска» ее обнаружили бы в первую очередь.

Ситуация изменилась: мгновенная смерть не настигла Пушкина. Из расспросов врачей поэт убедился, что ему еще отпущено какое-то время. В эти-то часы и произошло событие, отменившее припасенный на крайний случай документ. Таким событием стал приезд Арендта с письмом императора. **После этого визита** Пушкин и призвал Спасского.

Напрашивается важнейший вывод: в **ночь после дуэли поэт уничтожил свое письмо к царю.** Он не мог и не собирался уходить из жизни безмолвно, но вечер оказался мудренее утра, и послание стало излишней роскошью. Это была странная пиррова победа: не Пушкин просил милости у монарха, а сам владыка шел к молчаливому строптивцу с амнистией!

Невероятное напряжение сразу пошло на убыль. Пушкин, когда-то уверявший приятеля, что недуг можно преодолеть усилием воли, на краю могилы доказал это. Наступившее умиротворение омрачалось лишь пароксизмами боли. Она пришла сразу же после сожжения секретной бумаги. Но смерть еще топталась на крыльце...

Выходило, что у поэта, подобно герою «Выстрела», еще оставалась возможность нажать на курок — ведь Пушкин, уничтожив утреннее послание, еще не ответил словом на ночную записку императора...

«И БЫЛ вечер, и было утро: день второй...» Жуковский отправился на доклад в царские покои: «28-го в десять часов утра государь император благоволил поручить мне запечатать кабинет Пушкина...» Перед отъездом он заглянул к поэту. Состоялся короткий диалог: «Надобно знать, что, простившись с Пушкиным, я опять возвратился к его постели и сказал ему: «Может быть, я увижу государя; что мне сказать ему от тебя?» — «Скажи ему,— отвечал он,— что мне жаль умереть; **был бы весь его...»**

Так раздался ответный выстрел поэта, подготовленный в часы долгих раздумий. Какой же смысл он вкладывал во фразу, явно не похожую на стрельбу в воздух? Ответ следует искать опять-таки в психологии поведения Пушкина после ранения.

Ночью он взял верх, вынудив императора собственноручно предложить мировую. Однако противники по-прежнему стояли у барьера: Николай надеялся на ответ подданного. Ожидание непомерно затягивалось, но Пушкин не торопил события. Ему надлежало найти наиболее яркую формулу для слов, которые завершат диалог с самодержцем. Где их искать? Покидающие жизнь обычно обозревают ее — день за днем, год за годом. Свое земное бытие наверняка вспоминал в те часы и Пушкин. Живые картины сменяли друг друга. Наконец, наступило желанное озарение. А вслед за ним выкристаллизовалась фраза, дошедшая до ушей монарха.

Скорее всего, поэт припомнил свою **первую встречу** с Николаем. Она случилась в Москве, в сентябре 1826 года. Пушкин был срочно истребован из ссылки и предстал перед царем. Секретная аудиенция происходила в Кремлевских палатах. Итогом долгого рандеву стало великодушное отпущение грехов поэта. Тогда же была произнесена «историческая фраза», которую услужливая молва разнесла по империи: «Выходя из кабинета вместе с Пушкиным, государь сказал, ласково указывая на него своим приближенным: **«Теперь он мой!».** Или же — в другой редакции: «Ну теперь ты не прежний Пушкин, а **мой Пушкин».**

Все последующие годы **император** и взаправду считал Пушкина полностью «своим». Он присвоил себе право быть не только цензором его творений, но и соглядатаем личной жизни. Ласковые увещевания сменялись грозными окриками. Тиски надзора сжимались, терзая душу полупрощенного узника. Фраза «Теперь он мой!» казалась подданным незыблемой аксиомой...

И вот перед лицом вечности Пушкин объявил ее блефом: «...Был **бы** весь его!». Значит, он так **и не стал** собственностью монарха! Глагол, переведенный в сослагательную форму, открыто потешался над царской самонадеянностью. Поэт был гением композиции — не только в своих творениях, но и в жизни. Пушкинские слова, замыкая земной круг отношений с императором, становились полемическим эхом монаршей тирады, произнесенной при достопамятном знакомстве. И — ответом на ночное письмо Николая.

Но сентенция Пушкина — еще и памятник удивительной объективности творца. Поэт признавал относительный успех противника: в многолетней тяжбе с царем ему не раз приходилось отступать, терпеть поражения, пускаться на унизительные уловки. Императору все же удалось завоевать **часть** человека, которую он поспешил нарядить в шутовской кафтан камер-юнкера. Другая же, сокровеннейшая, осталась неподвластна правителю. Об этой непокоренной территории поэт написал в своем завещании — «Памятнике»:

Нет, ВЕСЬ Я не умру...

Свою душу он не собирался отдавать на заклание царю даже на смертном одре. Та ускользала от верховного плена, обретая бессмертие в **«музе».**

НЕСЛЫХАННЫЙ поединок завершился. Уничтожив письмо к Николаю, поэт успел исполнить все задуманное. Как знак победы он хотел положить и записку императора: мыслилось умереть с вражеским древком в руке. Самодержавная гордость не могла допустить этого; но все-таки Пушкин входил в бессмертие триумфатором. Оставалось последнее — проститься с семьей и друзьями и устало закрыть глаза. «В четверг утром я сидел в его комнате несколько часов,— писал современник.— Он так переносил свои страдания, что я, видя смерть перед глазами, в первый раз в жизни находил ее чем-то обыкновенным, нисколько не ужасающим». Завершали свою мерную работу и часы на камине, вскоре остановленные навсегда.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...

Жизни в Пушкине оставалось на сутки.

Михаил ФИЛИН.

Все, как было тогда

Распахнуты двери, зажжены свечи — дом на набережной Мойки, 12, вновь открылся вчера для гостей. Завершена капитальная реставрация пушкинской квартиры — последней в жизни поэта.

«...Нанял я, Пушкин, весь от одних ворот до других нижний этаж из одиннадцати комнат состоящий, со служебными как-то: кухнею и при ней комнатой в подвальном этаже, взойдя во двор конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике». Такой нынче и предстала квартира поэта, освобожденная от позднейших перестроек и искажений.

Сотрудники музея, строители, реставраторы, художники сделали все, чтобы как можно точнее восстановить каждую деталь, подробность драгоценного мемориала.

На открытии мемориала присутствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ю. Ф. Соловьев.

(ТАСС).

Ленинград.